

Валерий ЧЕРЕПИЦА

«ПЁС РАХМАНЫ ДЫ ЛАСКАВЫ...»: АВТОРА!

Архивные учреждения и отделы рукописей в солидных музеях справедливо называют хранителями человеческой памяти. Однако в конкретной исследовательской работе в их фондах часто случается и такое: ищешь в старых бумагах одно, а находишь другое, причём, иногда не менее интересное и хранящее в себе значительное количество всяческих загадок. В моей поисковой работе таких случаев было множество, но как правило со временем они получали свое разрешение, давая позитивные научные результаты. Однако бывали в этом деле и тупиковые ситуации, когда найденные материалы после немалых раздумий приходилось со вздохом откладывать в сторону, что называется, на «потом».

Недавно, перебирая в своем домашнем кабинете такого рода «залежи» с пожелтевшими папками для бумаг, я обнаружил один единственный листок, архивная копия которого долгое время не давала мне покоя, но сейчас она вновь почему-то оказалась в моих руках. Быстро пробежав глазами машинописные строчки, я вдруг подумал: а почему бы не поделиться с коллегами и читателями своими догадками и сомнениями относительно авторства и содержания некогда написанного? Тем более, что и сегодня, через десятилетия, они представляются мне весьма актуальными.

Начну с истории обнаружения этого листка. В начале 2003 года, на этапе завершения своей работы над второй частью «Очерков истории Православной Церкви на Гродненщине» (они вышли в свет в 2005 году), я в буквальном смысле «перепахивал» фонды Гродненского государственного музея истории религии (замечу, что в 1977-1981 годах он назывался Республиканский музей атеизма и истории религии, а основателем его и директором в указанные годы был Алексей Никифорович Карпюк, он же и секретарь Гродненского отделения Союза писателей БССР). С особым вниманием я относился к выявлению и изучению всего того, что имело отношение к священнику и поэту Гродненской епархии Николаю Семеняко (1879-1937), получившему в 1934 году сан архиепископа Полоцко-Витебского Феофана (Семеняко),

который в 1937 году трагически погиб в ГУЛАГе. Среди наиболее ценных находок, сделанных мною тогда, были не только принадлежащие ему предметы духовного содержания - «Требник» (1864 года издания), «Служебник» (1906), а также некоторые ранее неизвестные мне его стихи. Чаще всего они были наполнены твёрдой верой автора в исправление с Божьей помощью всего злого и несправедливого на земле. Концовка одного из них была следующей:

Пронесётся гроза, тучи ветер умчит,
Снова ясное солнце проглянет,
С неба вновь для тебя счастья луч заблестит, -
Как трава, злое горе завянет!

Продолжая поиски в заданном направлении, я обнаружил в отдельной папке и вышеупомянутый листок со стихотворением, резко отличающимся по своему духу и содержанию от только что приведённых строчек. По своему виду, а особенно по тому, как и о чём говорилось в нём, всё выдавало революционную листовку. Впрочем, вот и её содержание:

**Копія.
КП-14982**

Пёс рахманы ды ласкавы ...
Хай жа вып'еш "чорнай кавы".
Пан Луцкевіч, еж, еж,
Будзеш гаўкаць лепш.

Пан Кірткіліс кінуў золоты,
Пан Луцкевіч ліжа боты:
Так старанна - лізь, лізь,
Каб аж боты - блісь!

Начапі на шпыю сьмела
Банцік бел-чырвона-белы:
Як адслужыш - трах, трах -
Не вялікі страх.

Шчэрыць зубы на ўсход сонца,
І гайсае па старонцы
Яго вершы брэх, брэх -
Здрадзіць пану грэх.

А за ім яшчэ паўсотні
З фашыстоўскай падваротні
На працоўных - гыр, гыр! -
"За грамадскі мір".

І Станкевіч і Ярэміч,
І хадэцкая ўся немач -

Хваліць кожны гад, гад.
Свой буржуйскі лад.

Шэрсць ільсьніцца ў чорным глянцы,
Брэх кіруюць хутаранцы
Да працоўных мас, мас:
-Тут збавеньне ў нас!

Пад ксяндзоўскаю сутанай
Абцяюць рай з смятанай.
Гаўкай, цюцька, грай, грай
Пра кулацкі рай.

І ня хоча быць у раі,
І ня верыць брэху зграі,
Ладзіць грозны суд, суд
Ім працоўны люд.

І ня сьніцца, і ня есца,
І ня знойдзе зграя месца:
-Дзе-ж нам дзецца? дзе? дзе?
Камунізм ідзе.

Ланцугі няволі рвуцца,
Будзе пану, будзе й сучцы:
Будуць суку біць, біць,
Будзе з панам выць.

Характерно, что никаких пояснений к этому документу обнаружено не было; автор самого стихотворения также не был указан, впрочем, как и место, и год его написания. Тогда же я справился у смотрительницы фондов Нины Ивановны Лещёнок о происхождении этого листка-листовки, на что она мне ответила: «Что есть, то есть. Насколько я помню, этот листок был из партии материалов, которые привёз из одной из экспедиций директор музея Карпюк. Когда же началась их обработка, он у нас уже не работал, а потому и связаться с ним по этому документу как-то не получилось». Сам я, будучи хорошо знакомым с Алексеем Никифоровичем, конечно, мог обратиться к нему с вопросами по данной находке, но, к сожалению, к этому времени его уже лет десять как не было в живых. И потому мне пришлось самому развязывать клубок возникших вопросов.

Изначально я по ряду признаков сразу же определил время написания этого произведения – конец 1929 - начало 1930-х годов. В этот период территория Западной Белоруссии, как в те годы принято было говорить в Советском Союзе, находилась в составе Польши, а её народ испытывал все тяготы разделённого этноса. Скинуть их стремилась наиболее активная часть населения региона, и в авангарде этой борьбы за свое социальное и национальное освобождение шли коммунисты. Что же касается тогдашних

лидеров белорусского национального движения, оказавшихся в Польше после провала их планов по созданию так называемой БНР (Белорусской Народной Республики), то они в эти годы безуспешно пытались решить все вопросы своего будущего национального самоопределения сообща с польскими властями, а также через Сейм. Не имела никаких перспектив и возможностей на установление ими сотрудничества с местными коммунистами, набравшими силу и авторитет среди трудящихся масс, благодаря наличию у них конкретной программы действий, направленной на воссоединение с БССР. Очевидным было и усиление на этом фоне ожесточённых споров и перебранок между бывшими сторонниками БНР.

Анонимный автор этого стихотворения, по моему мнению, должен был находиться в самой гуще этих событий, причём, как в Вильно, так и на территории всей Западной Белоруссии. Из текста листовки следовало, он хорошо знал о безрезультатных «заигрываниях» белорусских националистов (Луцкевича, Станкевича и Яремича) с польскими чиновниками типа Киртиклиса, а также обо всех тех недугах, которыми «болели» тогдашние «друзья» белорусского народа с «бел-чырвона-белыми бантиками» на шее. Последнее позволяло автору с должной издёвкой и хорошим чувством юмора выворачивать наизнанку всё явное и потаённое в их политической возне и пресмыкательстве перед польским чиновничеством и католическим духовенством. Важное место в этой смычке «буржуев» занимала, по мнению поэта, объединявшая их всех лютая ненависть к «трудовому народу», «коммунизму» и Советскому Союзу. А завершалось стихотворение выражением уверенности автора в победе народа Западной Белоруссии над «панской властью», который разорвёт оковы неволи, и тогда, уверенно заявляет он, «будзе пану, будзе й сучцы ...».

О ком же конкретно шла речь в стихотворении. «Псом рахманым ды ласкавым», который лижет сапоги пану Киртиклису, автор называет «пана Луцкевича» – видного белорусского политического и общественного деятеля, историка и публициста. В 1918 году Антон Луцкевич (1884-1946) являлся одним из организаторов и руководителей непризнанной БНР (Белорусской народной республики). В 1920-е годы он возглавлял в Вильно БНК (Белорусский национальный комитет) и работал преподавателем в местной белорусской гимназии. В 1929 году он был исключен из ТБШ (Товарищества белорусской школы), оказавшейся к этому времени под полным влиянием Компартии Западной Беларуси (КПЗБ). В противовес этому Луцкевич тогда же основал Центросоюз (Центральный союз культурных и хозяйственных организаций), который выступал против революционных методов борьбы коммунистов с фашистским режимом Юзефа Пилсудского, ратуя, прежде всего, за парламентские принципы разрешения всех политических противоречий в Польше. В этот период он как раз и стал объектом самых разных политических спекуляций и нападок «как слева, так и справа». В

сентябре 1939 года он, опасаясь расплаты за свою антисоветскую деятельность, публично приветствовал приход Красной Армии, но это не спасло его от репрессий со стороны советской власти.

Среди сторонников Антона Луцкевича, которые одновременно его и критиковали, был белорусский католический священник Адам Станкевич (1892-1949) – один из основателей БХД (Белорусской христианской демократии) также входивший в руководство БНК и ТБШ. Станкевич, сторонник теории самобытного развития белорусского народа и его права на создание своей государственности, в основном разделял политические устремления Антона Луцкевича, но в тактических вопросах деятельности предпочитал больше опираться «на христианскую этику и демократические принципы».

Упомянутый в стихотворении Фабиан Яремич (1891-1958) являлся белорусским общественно-политическим деятелем и публицистом. В 1923 году он занимал пост председателя БНК, неоднократно избирался послом (депутатом) Польского Сейма. В годы Великой Отечественной войны он сотрудничал с немецко-фашистскими оккупантами, являлся бургомистром г. Борисова и был повинен в карательных действиях под «бел-чырвона-белым сцягам» против советских партизан и подпольщиков.

Что касается Стефана Киртиклиса (1890-1951), то он в 1930-е годы являлся вначале Белостокским воеводой, а затем Виленским. Имел звание майора военной жандармерии. Большие надежды на скорейшую полонизацию белорусов он возлагал на польскую армию, римско-католическую церковь и административно-государственный аппарат. Являлся одним из создателей военизированного польского Стрелецкого союза, основу которого в Западной Беларуси составляли так называемые «осадники» – надежда и опора польских властей на «крэсах восточных».

Автор стихотворения в своей оценке деятельности упомянутых белорусско-польских деятелей и их сторонников из так называемой «фашистской подворотни», несмотря на свою бескомпромиссную по отношению к своим противникам идейную платформу, оказался прав в предвидении ими, прежде всего, политической судьбы. Так как прислуживание недругам своего народа всегда выходило и выходит боком тем, кто подыгрывает своим западным «благожелателям» во вред белорусскому народу. Выяснив политическую атмосферу тех лет и дав краткие характеристики главным «героям» листка-листовки, я тогда, что называется, по горячим следам, так и не нашёл того, кто был автором этого оригинального сатирико-юмористического произведения. Полагая, что его автор – деятель местного революционного подполья, я пересмотрел практически все стихотворные сборники наиболее видных представителей тогдашней западно-белорусской поэзии (Максима Танка,

Пилипа Пестрака, Михася Василька, Валентина Тавлая, Михася Машары), принимавших активное участие в политической жизни региона, но автора «Пса рахманага ...» я среди них так и не нашёл. Были у меня в то время, разумеется, и догадки, связанные с именем замечательного белорусского поэта Кондрата Крапивы (1896-1991), который чаще всего писал именно в таком, обличительно-сатирическом жанре. Но хорошо зная про то, что в 1930-е годы поэт жил и плодотворно работал в Минске, в редакции журнала «Польмя рэвалюцыі», я как-то не спешил развивать свои поиски ответа в сочинениях Крапивы, предпочитая придерживаться своей прежней версии о западно-белорусском агитационно-пропагандистском происхождении данной музейной находки.

Шло время, и когда я уже сам стал осваивать компьютер, то делал неоднократные, но безуспешные попытки через поисковые системы определить авторство найденных когда-то строчек. Думаю, что причиной этих неудач были мои, как я это сейчас понимаю, не вполне корректно сформулированные запросы. И вот совсем недавно автора стихотворной листовки мне помогли найти мои студенты-медики, причём сразу же после того, как только я ознакомил их с её строчками и поделился с ними догадками в отношении авторства Кондрата Крапивы. К моему удивлению, уже через минуту после сказанного мной одна из студенток, держа в руках свой новенький смартфон, с радостью сообщила: «Валерий Николаевич, вы правы. Автор этого стихотворения Кондрат Крапива! Это точно, смотрите...». На мой вопрос, как ей это удалось, она с улыбкой ответила: «Просто я набрала два слова – «Пёс рахманы ...»».

После возвращения с работы домой, я сделал то же, что и моя студентка, и получил полный текст этого стихотворения, озаглавленного «Из фашистской подворотни», датированного 1932 годом, и с указанием автора – Кондрат Крапива.

Кандрат Крапіва З ФАШЫСТОЎСКАЙ ПАДВАРОТНІ

У засценку трушчаць косці,
Пан Луцкевіч чэша ў госці;
Там за працай кат, кат, –
Пан Луцкевіч рад.

Даў ахвяру ў рукі ката, –
Не благая будзе плата:
Пан Луцкевіч – нюх, нюх –
Чуе смачны дух.

Ён на кухню ваяводы
Дасканала знае ходы:

Пан Луцкевіч – гаў, гаў,
Каб Кіртккліс даў.

Ваяводу ён дагодзіць:
Так на задніх лапках ходзіць,
Так лісліва – віль, віль.
Пап Луцкевіч, піль!

Пан Кіртккліс кінуў злоты,
Пан Луцкевіч ліжа боты:
Так старанна – лізь, лізь,
Каб аж боты – блісь!

Пёс рахманы ды ласкавы,
Даць яму вяндрліны й кавы!
Пан Луцкевіч, еш, еш,
Будзеш гаўкаць лепш.

Начапі на шыю смела
Банцік бел-чырвона-белы.
Як адслужыш – трах, трах:
Не вялікі страх.

Вось яшчэ кілішак «вудкі»,
А цяпер – пайшоў да будкі!
Пан Луцкевіч, ляж, ляж,
– Я, паночак, ваш.

Шчэрыць зубы на ўсход сонца,
І гайсае па старонцы
Яго верны брэх, брэх –
Здрадзіць пану грэх.

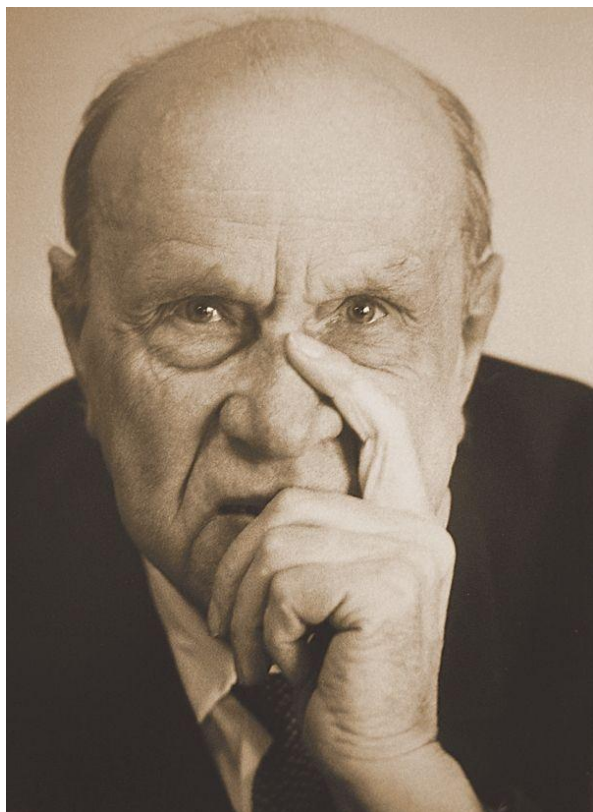
А за ім яшчэ паўсотні
З фашыстоўскай падваротні
На працоўных – гыр, гыр! –
«За грамадскі мір».

Ланцугі аднак жа рвуцца:
Будзе пану, будзе й сучцы:
Будуць суку біць, біць,
Будзе з панам выць.

1932

Отличие его от архивного листка было весьма значительным: новая редакция стала не только большей по объёму и содержанию, но из него по какой-то причине исчезли имена сподвижников Луцкевича – Станкевича и Яремича. Почему так

произошло, сказать определённо нелегко. По моему предположению, первый вариант, размноженный в революционном подполье, использовался в его пропагандистской работе в качестве листовки, и потому в таком виде он и попал в музей, а второй вариант – это уже результат последующей правки стихотворения автором после сентября 1939 года и вскоре состоявшегося воссоединения Западной Белоруссии с БССР. Как известно, Кондрат Кондратович Атрахович (Крапива) был участником освободительного похода Красной Армии на территорию Западной Беларуси. До конца своих дней, а умер он в возрасте 95 лет, поэт не уставал говорить о выдающейся роли этого события в истории белорусского народа и его государственности.

